

УДК 82.091 – 4 Тургенев И. С.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-8-18

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «НАКАНУНЕ» И ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА О ПОЛЕВЫХ ЦВЕТАХ

Бельская А. А.

*Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
302026, Орловская обл., г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование смыслового содержания флористических образов васильков и ландыша в романе «Накануне» и раскрытие их ассоциативной связи с образами полевых цветов в Священном Писании.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Особое внимание уделяется изучению художественных образов и деталей, их разнообразных функций в тексте и роли в раскрытии замысла и позиции автора.

Результаты. Результатом работы стали выявление концептуальной роли флоросемантики и флоропоэтики художественного текста и подробный анализ евангельского кода, который реализуется в романе Тургенева через систему мотивов духовного роста, духовного странничества, духовного испытания, духовного преображения и духовного подвига.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование флоротекстовых явлений позволило расширить границы интерпретации и анализа романа Тургенева, по-новому взглянуть на поэтику повествования и глубже понять особенности мировоззрения писателя.

Ключевые слова: ассоциация, васильки, евангельская притча о полевых цветах, ландыш, «Накануне», поэтика, семантика, флористический образ

I. S. TURGENEV'S NOVEL "ON THE EVE" AND GOSPEL PARABLE ABOUT WILDFLOWERS

A. Belskaya

*Orel State University named after I. S. Turgenev
ul. Komsomolskaya 95, Orel 302026, Orel Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the semantic content of the floral images of cornflowers and lily of the valley in the novel "On the Eve" and the disclosure of their associative connection with the images of wildflowers in the Bible.

Methodology. To reveal the topic, analytical and comparative methods of studying literary text are used. Special attention is paid to the study of artistic images and details, their various functions in the text and their role in revealing the writer's intention and position.

Results. The result of the work was identifying the conceptual role of florosemantics and floropoetics of a literary text and a detailed analysis of the Gospel code, which is implemented in Turgenev's novel through a system of motives for spiritual growth, spiritual pilgrimage, spiritual testing, spiritual transformation, and spiritual achievement.

Research implications. The study of florotextual phenomena allowed us to expand the boundaries of interpretation and analysis of Turgenev's novel, take a fresh look at the poetics of the narrative and better understand the features of the writer's worldview.

Keywords: association, cornflowers, gospel parable about wildflowers, lily of the valley, "On the Eve", poetics, semantics, floral image

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена интересом современного тургеноведения к вопросам флоро- и дендрографии И. С. Тургенева, с одной стороны [6; 7; 11; 16; 20; 21; 22; 24], и христианского подтекста произведений писателя, – с другой [1; 3; 4; 13; 14; 18].

Анализ показывает, что Тургенев в своих произведениях посредством использования различных визуальных образов стремится заострить в будничном существовании героев непреходящее, вечное. Флористические образы, в частности, служат в произведениях Тургенева выявлению характеров персонажей, вносят подтекст, способствуют раскрытию авторской позиции. Сошлёмся на авторитетное мнение Т. А. Касаткиной, убедительно доказывающей на примере творчества Ф. М. Достоевского, что позиция автора нередко проявляется в тексте на «уровне детали», которая в течение сюжета выступает как «*вещь*», а в «авторском кругозоре» становится «*символом*» [10, с. 196–227].

В настоящее время учёные много и плодотворно пишут о значимости в «Накануне» образа *венка из васильков* и объединяются в признании его существенной роли для понимания личности главной героини – Елены Стаховой. При этом исследователи по-разному определяют смысловое содержание этого цветообраза. Одни считают, что он вносит в роман мифологический подтекст и обращает к двум римским легендам: о прекрасном синеглазом юноше Цианусе и о *васильке* – цветке-«пастыре», являющемся в тургеновском тексте знаком избранничества, высокой пасторской миссии героини [3]. Другие полагают, что Тургенев исходит из древнегреческого мифа о Центавре, который обладал знаниями о целебных свойствах растений, и *венок из васильков* в романе – воплощение «подвижнического венца», знак будущего исцеляющего служения Елены Стаховой [17]. По мнению третьих, образ *василька* маркирует выбор героини в пользу «небесного Отечества» и, будучи

связан с символикой небес, обращает к средневековым христианским представлениям о цветке как орудии против дьявола и эмблеме Христа и Богородицы [14]. Четвёртые, отталкиваясь от русской народной традиции, соотносят *васильки* с образом заколдованного клада, которому в романе уподоблена Елена Стахова [9]. Думается, что точно так же, как многообразен в мировой культуре контекст *васильков* и амбивалентна их символика, неоднозначна семантика этого цветообраза в тургеновском тексте.

Надо отметить, что в индивидуальном сознании главной героини «Накануне», кроме *венка из васильков*, возникают такие цветы, как *ландыш* и *роза* («Кстати, и он и я, мы одни цветы любим ... Я ему отдала всю розу»¹), которые позволяют не только полнее разобраться в характере Елены Стаховой, её потаённых чувствах, но и глубже проникнуть в авторский замысел.

Наша цель – выявить смысловую нагрузку входящих в знаково-символическую систему романа Тургенева *венка из васильков* и *ландыша*, установить их ассоциативную связь с евангельскими полевыми цветами и раскрыть функции в тексте. Данный аспект позволит расширить границы интерпретации и анализа романа Тургенева, а также основательнее понять особенности мировоззрения писателя.

Ассоциативно-содержательное наполнение флористического образа васильков в романе

Нельзя исключать, что в «Накануне» в ретроспективном плане повествования о детстве Елены Стаховой *васильки* имеют традиционное для восточных славян значение «девичьей жизни» (ср.: у Н. А. Некрасова: «Толпа без красных девушек, / Что рожь без васильков»²). Вполне

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 227.

² Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Л.: Наука, 1982. С. 126.

возможно, что выбор героиней *васильков* для венка («... думала о том, как она вырежет себе ореховую палку, и сумку наденет, и убежит с Катей, как она будет скитаться по дорогам в венке из васильков: она однажды видела Катю в таком венке»¹) во многом обусловлен популярностью этих цветов на Руси.

Несмотря на то, что в реальной жизни *васильки* – сорняки, они всегда были дороги русскому человеку. Издревле крестьянки плели венки из васильков, вышивали их на рушниках и праздничной одежде. У восточных славян существовало два праздника, связанных с васильками: первый – «пошёл колос на ниву» – отмечали в начале лета, в период появления первых колосьев на поле; второй – «именинный сноп» – в конце лета перед сбором урожая. Васильки часто упоминаются в народных песнях, и символика их у восточных славян положительная – «цветок – к счастью, на счастье» [12, с. 142]. В устном народном творчестве имеется несколько противоположных по смыслу мифов о *васильке*: старинное поверье о молодом пахаре Василии, влюблённом в русалку и превращённом ею в полевой цветок, своей окраской напоминающий прохладную синеву воды (аналог мифа о Нарциссе); и легенда о небесном происхождении цветка. Согласно последней, лазоревый цвет васильков означает, что они – посланцы Неба – растут среди хлебных колосьев, которые при каждом дуновении ветра склоняются к «осколкам Неба» и шепчут слова признательности и благодарности [15, с. 246].

Наряду с устным народным творчеством, *васильки* часто встречаются в произведениях отечественной литературы. И. А. Крылов в басне «Василёк» под именем полевого цветка изображает самого себя. В драме А. Н. Островского «Гроза», в которой Катерина Кабанова мечтает летать в поле «с василька на василёк по ветру, как бабочка»², образ *василька*, по

мнению К. И. Шарафудиной, приобретает «черты детской чистоты» и становится «воплощением девичьей доверчивости и безоглядности чувств» героини [25, с. 178]. В свою очередь, в рассказе Тургенева «Свидание» *васильки* – это знак нежности, преданности, любви крестьянки Акулины («А вот это я для вас, – прибавила она, доставая ... небольшой пучок голубеньких васильков...»³), а в романе «Рудин» *василёк* – «метафора нарциссизма Пандалевского» [11, с. 68].

В «Накануне» *венки* из *васильков*, будучи весьма значимым художественным образом, имеет у Тургенева иное смысловое наполнение. Появление в романном тексте *васильков* связано с возникновением доверия, благодарности Елены Стаховой десятилетней девочке Кате, «неведомые, новые» слова которой о Боге рождают у героини «тайное уважение и страх»⁴.

Вне сомнения, встреча с нищенкой Катей определяет духовный рост Елены Стаховой. Чрезвычайно значимо то, что в детских рассуждениях Кати о *божьей воле* маленькая Елена ощущает что-то особенное, чуть не священное, а значит, ощущает Божье присутствие. Не менее значимо то, что само духовное состояние Елены, связанное с осознанием Божественного присутствия в мире, сродни тайному уважению и страху. По сути дела, Тургеневу удаётся передать в романе сошествие на героиню, которой «страшно» и «сладко на сердце»⁵, Божьей благодати. Тогда как *венки* из *васильков* является в романе отражением коллективных народно-религиозных представлений о Боге и воле. Подтверждением этому служит контекстуальное соседство в тургеневском тексте *венки* из *васильков* с такими понятиями, как «*божья воля*» и «*священное*»: «Катя ... говорила о том, ... как будет жить на всей *божьей воле*; с тайным уважением

М.: Искусство, 1974. С. 234.

³ Тургенев И. С. Свидание // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 3. Записки охотника, 1847–1874. М.: Наука, 1979. С. 245.

⁴ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 183.

⁵ Там же. С. 184.

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 183.

² Островский А. Н. Гроза // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 2. Пьесы. (1856–1866).

и страхом внимала Елена этим неведомым, новым словам ... и всё в ней ... казалось Елене чем-то особенным, чуть не священным»¹.

В то же время *васильки*, будучи маркером духовного роста мечтающей оставить свой след на земле Елены, её обращённости в сферу Небесную, выступают приметой духовного странничества героини. Заметим, что мотив добровольного странничества не однажды возникает в романе: и в мечтах маленькой Елены, жаждающей скитаться с Катей, и во время объяснения Стаховой с Инсаровым и заверений, что она пойдёт за ним всюду, на край земли. Напомним, что явление странничества складывается в России в русле христианской православной традиции и теснейшим образом связано с аскетизмом, отказом от мирских благ, жертвенностью и страданием, с одной стороны, и духовными поисками – с другой. Думается, что даже нищета девочки Кати имеет у Тургенева метафорический смысл и не столько служит характеристикой её социального положения, сколько направляет к христианскому странничеству как духовному исканию главной героини.

Дополнительную насыщенность повествованию придают такие образы, как *ореховая палка*, *сумка*, *венок*, которые тоже тесно связаны с мотивом духовного странничества. *Ореховая палка* отсылает, с одной стороны, к восточнославянской традиции, в которой *лещина* (*орех*) – оберег и указатель верного пути в жизни², с другой – к христианскому посоху, обязательному атрибуту паломника, символизирующему стремление к священному; тогда как посох из *орешника* в мифах, фольклоре, религиозных сказаниях – это символ личной власти, пророчества, увещания, утешения, излечения ран³. *Сумка* (*котомка*) в хри-

стианстве ассоциируется с сумой и предполагает сохранение деяний личности в ожидании дня Страшного суда⁴. Наконец, *венок* – традиционный жертвенный атрибут. Начиная с античных времён, возлагать *венок* на голову означает возводить человека в новое достоинство или звание. В христианстве венок символизирует победу над тьмой и грехом: «А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его» (2 Тим 4: 8).

Таким образом, *венок* из *васильков* в тургеневском тексте – это, прежде всего, знак мечты Елены Стаховой воплотить в земной жизни «небесное» («священное»), возложить на себя «новое» звание – нравственную ответственность за всех «нищих, голодных, больных» в России. Неудивительно, что Елену так восхищает патриотизм Инсарова: «Освободить свою родину! – промолвила она. – Эти слова даже выговорить страшно, так они велики»⁵.

Христианский контекст в романе и позиция автора

Немаловажно, однако, что в своём романе Тургенев не проясняет судьбы Елены после смерти Инсарова. Возможно, она становится «пастырем», продолжателем «дела» мужа («... даму эту видели потом в Герцеговине при войске, которое тогда собиралось; описывали даже её наряд, чёрный с головы до ног»⁶). Но, возможно, Елена идёт «в сёстры милосердия» и ходит «за больными, ранеными», тем самым осуществляя своё «исцеляющее» назначение. Следовательно, нельзя исключать, что в романе Тургенева *васильки* обращают и к древнегреческой легенде, и к древнеримским мифам, прежде всего, мифу о васильке-пастыре. Очевидно одно: насыщенные различными мифологическими смыслами,

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 183.

² См.: Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: ИНДРИК, 2019. С. 130.

³ Посох (символ) [Электронный ресурс] // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: [https://megabook.ru/article/Посох%20\(символ\)](https://megabook.ru/article/Посох%20(символ)) (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ Котомка // Словарь символов: [сайт]. URL: <https://www.onlineslovari.ru/dic-symbol/k/kotomka.html> (дата обращения: 10.09.2023).

⁵ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 201.

⁶ Там же. С. 298.

васильки вносят в «Накануне» мифологический подтекст.

Индивидуальность Тургенева сказывается в том, в его произведениях флористические образы, как правило, продуцируют несколько значений и потому их ассоциативно-содержательное наполнение часто носит синтезирующий характер и объединяет различные контексты – мифологический, фольклорный, религиозный, эмблематический и др. Полагаем, что символика *василька* как «чистого образа тихой радости и твёрдой веры» и его «лазоревый» цвет, «цвет небесной тверди пастырского одеяния» как знак особой миссии цветка быть пастырями среди тучных колосьев, не клонить головы, подобно колосьям, не думать о хлебе насущном, а «свободно расти, весело цвести и смотреть с тихой радостью и твёрдой верой вверх, на вечно синее небо, на Божью обитель», т. е. быть служителем неба, посланным на землю «проповедовать людям веру, а богам – верность» [8, с. 269–270], позволяет обнаружить в «Накануне» ещё один интерпретационный контекст – христианский.

Заметим, что некоторые учёные рассматривают легенду о кентавре (центавре) Хироне, исцелённом с помощью *васильков* своим учеником Ахиллесом от раны, нанесённой стрелой, смоченной смертельной желчью лернейской Гидры, и миф о *васильке*-пастыре как предтече христианских притч и христианской символики. Так, в греческой мифологии Гидра, огромная ядовитая водная змея, нередко предстаёт гигантским слизнем, а в христианской символике слизи, согласно Л. Г. Бязрову, ассоциируются с дьяволом, защитой от которого является *василёк*, связанный «с девой Марией и Христом» [5]. В свою очередь, древнеримскую легенду о *васильке*-пастыре, по мнению Н. Б. Черепановой, вполне можно трактовать как один из мифологических прототипов евангельской притчи о полевых цветах, а *васильки* – как аналог евангельских *лилий* [23, с. 283].

Напомним, что *лилии* достаточно часто упоминаются в библейских и евангельских текстах. В книге Песни Песней *лилия* – «ли-

лия долин» («Что лилия между тернами...» (Песн. 2: 1) символизирует незабываемость взаимной любви (в христианском толковании – любви божественного жениха – Христа и невесты – соборной Церкви). В евангельской притче о *полевых лилиях* призыв «быть как лилии» означает уметь естественно и самоотверженно любить: «Итак, если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем? Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них ... Не оденет ли Он и вас?» (Мф. 6: 26–27).

В «Накануне», помимо *васильков*, ассоциацию с евангельскими «полевыми лилиями» вызывает *ландыш*. В сцене поездки в Царицыно Елена спрашивает у Инсарова, как «на его языке называются ландыш, клён, дуб, липа»¹. Почему героиню интересует, в частности, слово *ландыш* по-болгарски: нравится ли ей этот красивый цветок, или Елену привлекает его нежный запах, – остаётся неясным. Вместе с тем *ландыш*, наравне с другими маркированными в тексте растительными образами, указывает на близость героини к природе, определяет её естественный характер. Столь же несомненно другое: все перечисленные растительные образы вносят в роман мифологический подтекст. *Дуб* у древних славян считался деревом Перуна², бога грома и молний, и в «Накануне» *гроза*, *молния* являются косвенной причиной рокового свидания Елены и Инсарова у часовни, последствия которого – болезнь и смерть болгарского патриота. *Клён* у разных народов – символ высокого звания³, и в тургеневском тексте он намекает на внутренние силы центральных персонажей. Наконец, *липа* в древнегреческой мифологии символизирует супружескую любовь⁴,

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 215.

² См.: Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: ИНДРИК, 2019. С. 41.

³ Там же. С. 166–169.

⁴ См.: Шарафадина К. И. Дискурс «цветочного наречия» в культурно-бытовой практике и поэзии

и тургеневские Елена и Инсаров, став супругами, пытаются соединить долг, служение и любовь. Наиболее значим, на наш взгляд, культурный код *ландыша*.

В Болгарии *ландыш* называют «момина сълза»¹, т. е. «девичья слеза», и в тургеневском тексте упоминание о данном цветке – своего рода предвестие слёз, страданий, горя Елены Стаховой. Впрочем, в романе *ландыш* получает не только коннотацию слёз, он имеет ещё одно значение. Как известно², латинским (и английским) названием *ландыша* является «*лилия долин*» (lily of the valley) и означает «цветок смиренных». Помимо именованья *ландыша*, сами цветы вызывают ассоциацию с евангельскими «полевыми лилиями», которые символизируют смиренную любящую душу, сотворённую Богом и подчинённую Его воле, не знающей противоборства враждебных друг другу сил – добра и зла. Нил Синайский, поясняя символику евангельских *лилий*, пишет: «О совершенной душе сказано, что она, как лилия между тернами, а сие означает душу, которая среди заботящихся о многом живёт без попечений»³. *Полевые лилии*, которые не трудятся, не прядут, не знают суеты и беспокойства, не ведают временных забот и неизменно пребывают на том месте, которое им предназначено свыше, учат смирению и радости. В Нагорной проповеди *полевые лилии* – символ безоговорочного доверия к Богу. Примечательно, что одетые краше, чем Соломон во славе своей, *полевые лилии* названы в евангельской притче «полевой травой», которая засохнет через короткое время и будет брошена в огонь. В притче утверждается бренность и ничтожность полевой травы, тленность блеска её красо-

ты, но одновременно – вечность, которая обретается через смерть. Недаром изречение о *лилиях* и *птицах* (Мф. б: 33) завершается указанием на грядущее Царствие Божие.

Главную героиню «Накануне» едва ли можно назвать «полевой лилией», смиренно и радостно относящейся к миру. Хотя Елена Стахова чрезвычайно далека от стремления к материальному благолучию и её душа обращена к Небу, в то же время героиня горда и самолюбива, лишена истинной веры и потому всё окружающее воспринимает «бессмысленным и непонятным»⁴. Несмотря на то, что после смерти Кати Елена обретает главную ценность жизни – «деятельность, деятельное добро», основной особенностью её внутреннего мира оказывается «тоска взволнованной души»⁵. Жажда самопожертвования, сострадательная любовь («нищие, голодные, больные её занимали, тревожили, мучили»⁶), милосердие («милостыню она подавала заботливо, с невольной важностью, почти с волнением»⁷) сочетаются в Елене с нетерпимостью, прямолинейностью («Слабость возмущала её, глупость сердила, ложь она не прощала “во веки веков”»⁸), чрезмерной строгостью к людям («Стоило человеку потерять её уважение, – а суд произносила она скоро ... и уж он переставал существовать для неё»⁹) и страстным поиском личного счастья. Недаром желание героини уподобиться *птицам* и полететь «далеко, далеко» имеет в тексте отрицательную коннотацию («Отчего я с завистью гляжу на пролетающих птиц? Кажется, полетела бы с ними, полетела – куда, не знаю, только далеко, далеко отсюда. И не грешно ли это желание?...»¹⁰), а путь Елены Стаховой в мире отличает дуалистическая направленность: от *томления*

викторианской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 50–54.

¹ Томасик П., Горяев С. О. Ойкодомонимы болгарского города Руссе // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 151.

² Дмитриев Ю. Д. Необыкновенное путешествие в обыкновенный лес. М.: Русский язык, 1991. 211 с.

³ Нил Синайский. О восьми лукавых духах // Нил Синайский. Творения. М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2000. С. 121–132.

⁴ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 184.

⁵ Там же. С. 183–184.

⁶ Там же. С. 183.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 182.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 224.

к полёту – к небу – до падения – бездны («Я приведена на край бездны и должна упасть»¹).

Глубоко символично, что у Тургенева образ *венка* из *васильков* возникает на пересечении таких концептов, как «жизнь» («жить на всей божьей воле»²) – «смерть» («найду ... смерть»³). Острое столкновение противоположных начал в структуре личности Елены Стаховой, мечтающей скитаться в *венке* из *васильков* во благо «ближнего» – «нищих, голодных, больных», – но покидающей родину ради личного счастья, передано в тексте посредством запаха *созревающих нив*, где «воздух был душиен и душист» (выделено нами. – А. Б.)⁴. «Душный» и «душистый» запах обретает в тексте переносный смысл и выступает метафорой противоречивости личности героини [2].

Конечно, готовность Елены пойти за Инсаровым «на край земли», посвятить себя «делу трудному», подвергнуться «не одним опасностям, но и лишениям, унижению», не противоречит жертвенной этике (православной этике, в частности). Однако в Елене, так же, как и в Инсарове, отсутствует «самопротивление» своему человеческому естеству и его страстям. Оба героя склонны к жертве во имя идеала, но только в соответствии со своими индивидуальными представлениями о жертве и долге, т. е. без отречения от собственного «я», а через личное определение собственного участия в преобразовании мира. Елена Стахова не только не знает покорности, но и постоянно притязает на «невозможное». Она то хочет скитаться с *венком* из *васильков* с нищей девочкой Катей, то стать *птицей* и улететь далеко-далеко, то мечтает о жертвенном служении, не отделяя его от любви и эгоистического счастья, которое, согласно автору, всегда «основано на несчастье другого» и «выгода и удобство» которого требуют, как «статуя – пьедестала, невыго-

ды и неудобства других»⁵. В личности тургеневской героини удивительным образом сочетаются созидательная и разрушительная стихии.

Симптоматично, что даже когда Елена Стахова просит помощи у Бога, то умудряется поставить под сомнение Его существование: «... зачем смерть, зачем разлука, болезнь и слёзы? или зачем эта красота, это сладостное чувство надежды ... Ужели мы одни... одни... а там, повсюду, во всех этих недосыгаемых безднах и глубинах, – всё, всё нам чуждо?»⁶ Ни гармония природы, ни «сладостное чувство» «бессмертного покровительства» не смягчают сердца героини («...окаменелая ... молиться не могла»⁷). Правда, она не дерзает «вопросать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберёт, зачем наказал»⁸. После смерти Инсарова, в момент запоздалого прозрения вины Елена всё же приходит к пониманию иллюзорности земного счастья: «Я искала счастье – и найду, быть может, смерть... Видно, так следовало; видно, была вина...»⁹. То, что желание героини остаться верной памяти мужа, «делу всей его жизни», носит жертвенный характер, не противоречит этической позиции Тургенева. Неожиданным у писателя является то, что Елена Стахова после смерти Инсарова, подобно евангельским «полевым цветам», полностью предаётся воле Бога, и самозабвение героини приобретает в тургеневском тексте христианский смысл.

Таким образом, сложные ассоциации, связанные с *венком* из *васильков* и *ландышей*, помогают выявить евангельский контекст и потаённый смысл романа Тургенева. В «Накануне» евангельский код, помимо вертикали *земля / небо*, реализуется через систему таких мотивов, как духовное странничество, духовное испытание, духовное преображение, духовный подвиг – отказ главной героини от земных благ.

Между тем при том, что уходящая в подтекст «Накануне» евангельская мак-

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 298.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же. С. 223.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Там же. С. 290.

⁷ Там же. С. 297.

⁸ Там же. С. 297.

⁹ Там же. С. 291.

сима самопротivления, собирания сокровищ не на земле, а на небе коррелируется с идеологическими установками Тургенева о необходимости самоотречения, примате «любви-жертвы» над «любовью-наслаждением», проблему счастья и нравственного императива писатель решает с секулярных позиций. Недаром в истории жизни главной героини романа акцент сделан автором на хрупкости и быстротечности существования человека в мире («маленькая игра жизни ... её лёгкое брожение»¹), а «след Елены» исчезает «навсегда и безвозвратно»². Напротив, в евангельской притче полевые цветы являют собою исполненное смысла и жизни существование, и размышления о «полевых лилиях» и «птицах небесных» завершаются в притче указанием на грядущее Царствие Божие, черты которого можно обнаружить в окружающей природе. Вместе с тем, хотя Тургенев разделяет, например, философские мысли А. Шопенгауэра о господстве в мире иррациональной, слепой «воли», иллюзорности, обманчивости личностных представлений о свободе и счастье, в романе присутствует идея «*божьей воли*» и жизни «на всей *божьей воле*». Несмотря на то, что само уподобление Еленой Стаховой себя *птице* и сопутствующие ей полевые цветы – *васильки, ландыши* – вскрывают трагическую сущность образа героини, которая так и не открывает для себя Божию мудрость и Божию силу в материальном мире, но избранный ею после смерти Инсарова путь знаменует собою новый этап жизни – жизни без попечений. Соответственно, в сюжете тургеневской героини имплицитно присутствует выраженная в евангельской притче о *полевых лилиях* вечная духовная истина о смирении человека, жизнь и смерть которого зависят от Бога.

Отсюда следует вывод, что сам Тургенев идёт навстречу христианству, поскольку разделяет его ключевую мысль о «земном наслаждении», которое «кратно и

непостоянно, а небесное – надёжно и вечно»³. Неудивительно, что в предшествующем «Накануне» романе писателя – «Дворянское гнездо» – уже присутствует образ «лилии долины», а в следующем – «Отцы и дети» – в завершающем авторском слове содержится признание того, что гармония, открывающаяся в природе, и молитвы двух дряхлых старичков, обращённые к Богу, направляют к Высшему миру, вечности. «Говорят» о «вечном примирении и о жизни бесконечной» у Тургенева *цветы*, которые растут на могиле героя-нигилиста и безмятежно глядят «своими невинными глазами». В могиле с *цветами* скрывается «страстное, грешное, бунтующее сердце»⁴ Базарова, который, пусть сам и не приходит к Богу, но Бог принимает его, а автор в сфере своего творческого духа находит «взволнованные и жаркие слова о бессмертии, утверждающие таинственную жизнь за роковой гранью могилы» [19, с. 82–105].

Заключение

Итак, в романе «Накануне» полевые цветы – *васильки, ландыши* – актуализируют в индивидуально-авторской картине мира известные в мировой культуре значения. В тургеневском тексте *васильки* и *ландыши*, внося разные культурные пласты, расширяют свою семантику за счёт ассоциации с евангельскими полевыми цветами. Помимо эстетической функции (эстетическое воздействие на читателя), данные цветообразы выполняют символическую функцию, которая возникает в результате высокой степени обобщения актуализированных в тексте традиционных и коннотативных смыслов. Играя концептуальную роль в романе, *венки* из *васильков* и *ландыши* становятся одним из способов характеристики главной героини (харак-

¹ Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 299.

² Там же. С. 299.

³ Грешников спасение. Составлена общедоступной речью Агапием, иноком Критском, подвизавшемся на Святой Горе Афон (1641 год). Единец: Единецко-Бричанская Епархия, 2003. С. 291.

⁴ Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 188.

терологическая функция), средством проникновения в тайны человеческой психологии (психологическая) и способствуют развитию сюжета (сюжетно-композиционная) и, что самое главное, содействуют выражению авторской идеи о примирении (смирении) человека с непостижимым для него высшим законом бытия.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барицкий Д. С. Метафизические основания мотива тоски в «таинственных повестях» И. С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 30 с.
2. Бельская А. А. Смысловая нагрузка запаха в контексте образа главной героини романа И. С. Тургенева «Накануне» // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 1 (70). С. 66–73.
3. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М.: Московский городской педагогический университет, 2005. 250 с.
4. Белякова Е. Н. Христианская идея в художественном мире И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2000. 18 с.
5. Бязров Л. Г. Растения-символы [Электронный ресурс] // Биология. 2010. № 3 (898). URL: https://bio.1sept.ru/view_article.php?ID=201000301 (дата обращения: 10.09.2023).
6. Дмитриева Н. Л. Роза у Пушкина и Тургенева // Русская литература. 2000. № 3. С. 101–105.
7. Доманский В. А., Кафанова О. Б., Шарафадина К. И. Литература в синтезе искусств: в 3 т. Т. 1: Сад и город как текст. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2010. 362 с.
8. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М.: Т-Око, 1992. 361 с.
9. Илюточкина Н. В. Мифопоэтический образ клада в романе И. С. Тургенева «Накануне» // Спасский вестник. Вып. 21. Тула: Гриф и К, 2013. С. 148–158.
10. Касаткина Т. А. Авторская позиция в произведениях Достоевского // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 196–227.
11. Козубовская Г. П. «Семантическая поэтика» И. С. Тургенева: пушкинско-фетовский код романа «Рудин» // Во власти культуры и текста: сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Петровны Козубовской. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2021. С. 67–80.
12. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: ИНДРИК, 2009. 344 с.
13. Коньшев Е. М. Христианские мотивы в творчестве И. С. Тургенева // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 175–186.
14. Кулешова С. В. Христианский подтекст романа И. С. Тургенева «Накануне» [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. 2013. № 11. URL: <http://philology.snauka.ru/2013/11/601> (дата обращения: 10.09.2023).
15. Лаврова С. А. Царство Флоры. Цветы и деревья в легендах и мифах. М.: Белый город, 2010. 352 с.
16. Луцьян У. Семантическое поле «цветок» в языке русской художественной прозы второй половины XIX века (на материале произведений И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.
17. Михайличенко Г. А. Мифопоэтический подтекст романа Тургенева «Накануне» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 97–103.
18. Новикова-Строганова А. А. Христианский мир И. С. Тургенева. Рязань: Зёрна-Слово, 2015. 336 с.
19. Орловский С. О религиозных исканиях Тургенева // Русская мысль. 1911. № 9. С. 82–105.
20. Полтавец Е. Ю. Цветочки Лизы Калитиной: итальянский и французский контекст // Тургеневские чтения: сборник статей. Вып. 5 / сост. Е. Г. Петраш. М.: Русский путь, 2011. С. 350–367.
21. Проданик Н. В. Семиотический код флоры, его функция, принципы и поэтика в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 53–59.
22. Трофимова Т. Б. «Как хороши, как свежи были розы...»: Образ розы в творчестве Тургенева // Русская литература. 2007. № 4. С. 127–138.

23. Черепанова Н. Б. Христианская символика цветов в лирике В. В. Гофмана // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 7. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2012. С. 276–286.
24. Шарафадина К. И. Текстовый семиозис этнофитонимики и проблема её культурной адаптации при переводе (на материале произведений И. С. Тургенева) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 5–23.
25. Шарафадина К. И. Флористическая «загадка» А. Н. Островского, либо этноботаническая интерпретация «венка весны для Снегурочки» // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследовательских работ. 2010. Т. VI. № 1. С. 164–188.

REFERENCES

1. Baritsky D. S. *Metafizicheskie osnovaniya motiva toski v «tainstvennyh povestiyah» I. S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Metaphysical Foundations of the Melancholy Motif in the “Mysterious Tales” of I. S. Turgenev: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Mytishchi, 2021. 30 p.
2. Belskaya A. A. [The Semantic Load of Odor in the Context of the Main Character of Turgenev’s Novel “On the Eve”]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2016, no. 1 (70), pp. 66–73.
3. Belyaeva I. A. *Sistema zhanrov v tvorchestve I. S. Turgeneva* [System of Genres in the Works of I. S. Turgenev]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2005. 250 p.
4. Belyakova E. N. *Hristianskaya ideya v hudozhestvennom mire I. S. Turgeneva i F. M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Christian Idea in the Artistic World of I. S. Turgenev and F. M. Dostoevsky: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Kostroma, 2000. 18 p.
5. Byazrov L. G. [Plants–Symbols]. In: *Biologiya* [Biology], 2010, no. 3 (898). Available at: https://bio.1sept.ru/view_article.php?ID=201000301 (accessed: 10.09.2023).
6. Dmitrieva N. L. [Rose in Pushkin and Turgenev]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2000, no. 3, pp. 101–105.
7. Domansky V. A., Kafanova O. B., Sharafadina K. I. *Literatura v sinteze iskusstv. T. 1: Sad i gorod kak tekst* [Literature in the Synthesis of Arts. Vol. 1: Garden and City as a Text]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2010. 362 p.
8. Zolotnitsky N. F. *Cvety v legendah i predaniyah* [Flowers in Legends and Traditions]. Moscow, T-Oko Publ., 1992. 361 p.
9. Ilyutochkina N. V. [Mythopoetic Image of a Treasure in I. S. Turgenev’s Novel “On the Eve”]. In: *Spasskij vestnik. Vyp. 21* [Spassky Bulletin. Vol. 21]. Tula, Grif i K Publ., 2013, pp. 148–158.
10. Kasatkina T. A. [Author’s Position in the Works of Dostoevsky]. In: *Voprosy literatury* [Questions of Literature], 2008, no. 1, pp. 196–227.
11. Kozubovskaya G. P. [Semantic poetics of I. S. Turgenev (Novel “Rudin”)]. In: *Vo vlasti kul'tury i teksta: sbornik nauchnyh trudov k yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Galiny Petrovny Kozubovskoy* [In the Power of Culture and Text: A Collection of Scientific Works for the Anniversary of Doctor of Philology, Professor Galina Petrovna Kozubovskaya]. Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 67–80.
12. Kolosova V. B. *Leksika i simbolika slavyanskoj narodnoj botaniki. Etnolingvisticheskij aspekt* [Vocabulary and Symbolism of Slavic Folk Botany. Ethnolinguistic Aspect]. Moscow, INDRIK Publ., 2009. 344 p.
13. Konishev E. M. [Christian Motives in Turgenev’s Creative Work]. In: *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2008, no. 1, pp. 175–186.
14. Kuleshova S. V. [The Religious Christian Overtones of the Novel “On the Eve of” by Ivan Turgenev]. In: *Filologiya i literaturovedenie* [Philology and Literature], 2013, no. 11. Available at: <http://philology.snauka.ru/2013/11/601> (accessed: 10.09.2023).
15. Lavrova S. A. *Carstvo Flory. Cvety i derev'ya v legendah i mifah* [Kingdom of Flora. Flowers and Trees in Legends and Myths]. Moscow, Belyj gorod Publ., 2010. 352 p.
16. Lucyan U. *Semanticheskoe pole “cvetok” v yazyke russkoj hudozhestvennoj prozy vtoroj poloviny XIX veka (na materiale proizvedenij I. A. Goncharova, I. S. Turgeneva, A. P. Chekhova): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Field “Flower” in the Language of Russian Artistic Prose of the Second Half of

- the 19th century (Based on the Works of I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov): Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2015. 24 p.
17. Mihaylichenko G. A. [Mythopoetic Subtext of Turgenev's Novel "On the Eve"]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], 2008, no. 2, pp. 97–103.
  18. Novikova-Stroganova A. A. *Hristianskij mir I. S. Turgeneva* [Christian World of I. S. Turgenev]. Ryazan, Zyor-na-Slovo Publ., 2015. 336 p.
  19. Orlovsky S. [On Turgenev's Religious Quest]. In: *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1911, no. 9, pp. 82–105.
  20. Poltavets E. Yu. [Liza Kalitina's Flowers: Italian and French Context]. In: *Turgenevskie chteniya. Vyp. 5* [Turgenev Readings. Vol. 5]. Moscow, Russkij put' Publ., 2011, pp. 350–367.
  21. Prodanik N. V. [Semiotic Code of Flora, Its Function, Principles and Poetics in the novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev]. In: *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University], 2021, no. 2, pp. 53–59.
  22. Trofimova T. B. ["How Beautiful, How Fresh the Roses were...": The Image of a Rose in the Work of Turgenev]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2007, no. 4, pp. 127–138.
  23. Cherepanova N. B. [Text Semiosis of Ethnophytomy and the Problem of Its Cultural Adaptation in Translation (A Case Study of I. S. Turgenev's Works)]. In: *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 7* [Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th centuries: Quotation, Reminiscence, Motive, Plot, Genre: Collection of Scientific Works. Vol. 7]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, pp. 276–286.
  24. Sharafadina K. I. [Text Semiosis of Ethnophytomy and the Problem of Its Cultural Adaptation in Translation (Based on the Works of I. S. Turgenev)]. In: *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Book Publishing], 2018, no. 18, pp. 5–23.
  25. Sharafadina K. I. [Floristic "Riddle" of A. N. Ostrovsky, or Ethnobotanical Interpretation of the "Spring Wreath for the Snow Maiden"]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovatel'skikh rabot* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research], 2010, vol. 6, no. 1, pp. 164–188.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бельская Алла Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XI–XIX вв. Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева;
e-mail: aa_bel@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla A. Belskaya – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of History of Russian Literature of the 11th–19th centuries, Orel State University named after I. S. Turgenev;
e-mail: aa_bel@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бельская А. А. Роман И. С. Тургенева «Накануне» и евангельская притча о полевых цветах // Отечественная филология. 2023. № 5. С. 8–18.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-8-18

FOR CITATION

Belskaya A. A. I. S. Turgenev's Novel "On the Eve" and Gospel Parable about Wildflowers. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 5, pp. 8–18.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-5-8-18